

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ / LAW ASPECTS OF PUBLIC ADMINISTRATION

УДК 343.97
JEL: K14, Z13, B15
EDN: WYREDB

Оригинальная научная статья
ВАК 5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Владислав Владимирович Седнев

Донецко-Луганское (Донбасское) отделение Российской криминологической ассоциации им. А.И. Долговой, Донецкий институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 283015, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 163-а, e-mail: wsednev63@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0612-468X>, SPIN-код: 2262-7092, AuthorID: 845730

Аннотация. Введение. Радикализация общественных настроений в современном мире представляет собой один из ключевых дестабилизирующих факторов, угрожающих национальной безопасности. В криминологическом дискурсе данный феномен преимущественно исследуется через его крайние формы проявления (экстремизм, терроризм), тогда как инициальная стадия процесса – формирование готовности индивида к принятию радикальной идеологии – остаётся недостаточно концептуализированной. Цель настоящей работы заключается в выявлении криминологических механизмов зарождения и эскалации радикализации, а также в определении её функциональной роли в контексте социальной эволюции и динамики правопорядка.

Методы. Исследование основано на интегративном методологическом подходе, сочетающем принципы системного анализа, социально-эволюционистской парадигмы и диалектической логики. Применены общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция), методы историко-правового и сравнительного анализа, а также методы системно-эволюционного моделирования с использованием понятийного аппарата теории диссипативных структур. Эмпирическую базу составили данные вторичного анализа социологических исследований, проведённых в различных регионах Российской Федерации и сопредельных государств в период 2007–2019 гг., а также материалы собственного включённого наблюдения автора за социально-политическими процессами в Донбассе (с 2014 г. по настоящее время).

Результаты. Установлено, что радикализация представляет собой стадийный процесс, включающий последовательные этапы: фрустрацию и депривацию, идеологическую концептуализацию (интроекицию), групповую консолидацию и, как возможный исход, противоправную реализацию. Ключевыми криминологическими детерминантами, запускающими данный процесс, выступают: рост корыстной преступности при низкой раскрываемости, криминализация властно-управленческой элиты, высокая урбанизация и анонимность крупных городов, а также закономерность неуклонного роста преступности как мировой тренд. Выявлено, что радикализация является облигатным элементом социальной нестабильности, выполняя амбивалентную функцию: в зависимости от адаптивного потенциала социума она может выступать катализатором позитивных институциональных изменений либо вести к дезинтеграции и хаосу.

Обсуждение. Полученные результаты позволяют концептуализировать радикализацию не как изолированное патологическое явление, а как имманентный механизм социальной динамики, индикатор раскогласованности общественной системы. Принципиальное значение имеет разграничение состояния радикализации (как феномена сознания, защищённого конституционными свободами) и противоправной деятельности, наступающей лишь при определённых условиях. Предложенная автором модель эскалации радикализации и систематизация её криминологических маркеров создают теоретическую основу для мониторинга данных процессов и разработки превентивных мер, направленных на гармонизацию общественных отношений и укрепление правопорядка.

Ключевые слова: криминология, радикализация, национальная безопасность, социальная эволюция, общественные отношения, права человека.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Седнев В.В. Криминологические механизмы радикализации общества. Государственное управление и право. 2026. № 1 (09). С. 232–243. EDN: WYREDB

CRIMINOLOGICAL MECHANISMS OF RADICALIZATION OF SOCIETY

Vladislav V. Sednev

Donetsk-Lugansk (Donbass) Branch of the A.I. Dolgova Russian Criminological Association, Donetsk Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, 283015, Donetsk People's Republic, Donetsk, 163-a Chelyuskintsev str., e-mail: wsednev63@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0612-468X>, SPIN-код: 2262-7092, AuthorID: 845730

Annotation. Introduction. Radicalization of public sentiment in the modern world represents one of the key destabilizing factors threatening national security. In criminological discourse, this phenomenon is predominantly studied through its extreme forms (extremism, terrorism), while the initial stage of the process – the formation of an individual's readiness to accept a radical ideology – remains insufficiently conceptualized. The aim of this work is to identify the criminological mechanisms of the origin and escalation of radicalization, as well as to determine its functional role in the context of social evolution and the dynamics of legal order.

Methods. The study is based on an integrative methodological approach combining the principles of systems analysis, the socio-evolutionist paradigm, and dialectical logic. General scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction), methods of historical-legal and comparative analysis, as well as methods of system-evolutionary modeling using the conceptual apparatus of the theory of dissipative structures were applied. The empirical base comprised data from secondary analysis of sociological research conducted in various regions of the Russian Federation and neighboring states in the period 2007-2019, as well as materials from the author's own participant observation of socio-political processes in Donbass (from 2014 to the present).

Results. It has been established that radicalization is a staged process, including successive phases: frustration and deprivation, ideological conceptualization (introjection), group consolidation, and, as a possible outcome, illegal implementation. The key criminological determinants triggering this process are: the growth of acquisitive crime with low clearance rates, the criminalization of the power-administrative elite, high urbanization and anonymity of large cities, as well as the pattern of steady growth of crime as a global trend. It is revealed that radicalization is an obligate element of social instability, performing an ambivalent function: depending on the adaptive potential of society, it can act as a catalyst for positive institutional changes or lead to disintegration and chaos.

Discussion. The obtained results allow conceptualizing radicalization not as an isolated pathological phenomenon, but as an immanent mechanism of social dynamics, an indicator of the inconsistency of the social system. Of fundamental importance is the distinction between the state of radicalization (as a phenomenon of consciousness protected by constitutional freedoms) and illegal activity, which occurs only under certain conditions. The author's proposed model of radicalization escalation and the systematization of its criminological markers create a theoretical basis for monitoring these processes and developing preventive measures aimed at harmonizing social relations and strengthening the rule of law.

Keywords: criminology, radicalization, national security, social evolution, public relations, human rights.

Financing information: this study was carried out without external funding.

For citation: Sednev, V.V. (2026). Criminological mechanisms of radicalization of society. Public administration and law. 1(09). 232-243. EDN: WYREDB

Введение

Феномен радикализации общественных настроений в современном мире приобретает статус одного из ключевых дестабилизирующих факторов, оказывающих непосредственное влияние на состояние национальной безопасности. Процесс эскалации кри-

тического восприятия действительности, переходящий в стадию неприятия компромиссных решений и формирования оппозиционных, а нередко и откровенно антагонистических моделей мировосприятия, требует пристального научного осмысления. В контексте криминологической науки осо-

бый интерес представляет не столько конечная стадия этого процесса – реализация противоправных действий, сколько его инициальная фаза. Именно на этом этапе происходит трансформация обыденного недовольства в устойчивую психологическую и мировоззренческую установку, характеризующуюся высокой степенью готовности индивида или социальной группы к принятию радикальной идеологии как объяснительной модели существующих противоречий и как руководства к действию.

Представляется, что радикализацию следует рассматривать в качестве первичной детерминанты, запускающей механизм формирования девиантного поведения. В зависимости от вектора дальнейшего развития и степени конфликта с доминирующими в обществе правовыми и социальными нормами, данное поведение может квалифицироваться в различных категориях – от санкционированной властью революционной активности до уголовно наказуемого экстремизма. Однако ключевым звеном в этой цепи остаётся само состояние когнитивной и аффективной готовности к переменам, поиск простых и безапелляционных ответов на сложные социальные вызовы. Подобная готовность формируется под воздействием комплекса объективных и субъективных факторов, среди которых значимое место занимают криминологические реалии: осязаемая социальная несправедливость, девальвация правовых институтов, высокий уровень латентной преступности и неэффективность правоохранительной системы, что в совокупности создаёт питательную среду для роста протестного потенциала.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью перехода от констатации последствий радикализации (терроризм, экстремизм) к анализу её глубинных причин и механизмов. Понимание закономерностей зарождения этого феномена позволяет не только прогнозировать социально-политические риски, но и разрабатывать научно обоснованные стратегии превентивного воздействия, направленные на гармонизацию общественных отношений и укрепление правопорядка. В данной работе предпринята попытка системного анализа криминологической составляющей процессов радикализации, рас-

сматриваемых сквозь призму теорий социальной эволюции и диссипативных систем, что позволяет выявить их амбивалентную природу как фактора, способного играть как деструктивную, так и (в определённых исторических рамках) конструктивную роль в развитии социума.

Цель исследования

Целью настоящей работы является концептуализация феномена радикализации как объекта криминологического анализа, выявление системообразующих факторов и закономерностей его генезиса, а также определение функциональной роли радикализации в контексте социальной динамики и эволюции правопорядка.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих исследовательских задач:

1. Осуществить критический обзор существующих теоретических подходов к определению радикализации, разграничить её с категориями «экстремизм», «терроризм» и «девиантное поведение», обосновать авторскую дефиницию, акцентирующую стадию формирования готовности к принятию идеологии как ключевой этап исследуемого процесса (понятийно-категориальный анализ).

2. Идентифицировать и систематизировать криминологические факторы (в том числе состояние преступности, эффективность правоохранительной системы, уровень коррупции, социально-экономическое неравенство, урбанизационные процессы), которые выступают катализаторами радикализации индивида и социальных групп, формируя запрос на кардинальное изменение существующего порядка (выявление криминологических детерминант).

3. Рассмотреть радикализацию не как изолированное патологическое явление, а как облигатный элемент социальной нестабильности, присущий развитию сложных систем. Интерпретировать её природу с позиций теории диссипативных структур (И. Пригожин), концепции антропогенеза (Б.Ф. Поршнев) и модульной теории социума (А.А. Давыдов) для выявления амбивалентного (конструктивного и деструктивного) потенциала радикализации в исторической динамике (анализ системно-эволюционных зако-

номерностей).

4. Установить границу, за которой состояние идеологической готовности (радикализация как феномен сознания) переходит в плоскость противоправного деяния, и сформулировать подходы к дифференциации радикальных настроений, защищённых конституционными свободами мысли и слова, от действий, подпадающих под признаки экстремизма или иных составов правонарушений (определение критериев правовой квалификации).

5. На основе выявленных механизмов и закономерностей предложить концептуальные основы для мониторинга криминологических индикаторов радикализации, что создаёт теоретический фундамент для последующей разработки мер профилактического воздействия (обоснование направлений превенции).

Методология и методы исследования

Теоретико-методологический фундамент настоящего исследования составляет интегративный подход, сочетающий принципы системного анализа, социально-эволюционистской парадигмы и диалектической логики. Такое сочетание позволяет рассмотреть феномен радикализации не как изолированное отклонение, а как имманентно присущий сложным социальным системам механизм реагирования на внутренние и внешние противоречия, способный выполнять как адаптивные, так и деструктивные функции.

В процессе работы был задействован комплекс взаимодополняющих методов научного познания, который можно структурировать по следующим уровням:

1. Теоретические методы – на стадии концептуализации предметной области применялись анализ и синтез для декомпозиции сложного явления на составляющие элементы (психологическая готовность, идеологическая интроекция, деятельностная реализация) и последующего восстановления целостной картины его генезиса. Методы индукции и дедукции использовались для перехода от эмпирических наблюдений за отдельными случаями радикализации к обобщающим выводам о криминологических закономерностях этого процесса, а также для верификации теоретических гипотез (в частности, теории аномии и стигмати-

зации) на конкретном историческом и современном материале.

2. Методы историко-правового и сравнительного анализа – исторический метод позволил проследить трансформацию форм радикализации в различных хронологических срезах и культурных контекстах. Сравнительно-правовой и догматический методы были задействованы при анализе нормативных актов и доктринальных источников для выявления границ между конституционно защищённым инакомыслием и противоправными проявлениями экстремистского толка, а также для демонстрации отсутствия унифицированного легального определения радикализма.

3. Методы социально-криминологического анализа – данная группа методов составила эмпирическую основу работы. Использовался метод вторичного анализа социологических данных, полученных в ходе исследований, проведённых на территории Российской Федерации (включая г. Орёл и Орловскую область, Санкт-Петербург, Алтайский край, Оренбургскую, Мурманскую, Псковскую, Ростовскую области, Республики Алтай и Дагестан) и сопредельных государств (Кыргызская Республика, Республика Армения) в период с 2007 по 2019 годы. Ключевым эмпирическим материалом послужили данные, собранные автором в ходе долговременного наблюдения за социально-политическими процессами в Донбассе с 2014 года по настоящее время, что позволяет характеризовать исследование как включённое наблюдение в условиях острой социальной фазы конфликта.

4. Методы системно-эволюционного моделирования – для интерпретации функционального значения радикализации использован понятийный аппарат общей теории систем (работы Л. фон Берталанфи) и синергетики (концепция диссипативных систем И. Пригожина и И. Стенгерс). Применение этих подходов позволило обосновать тезис о том, что радикализация является одним из факторов, поддерживающих необходимый для эволюции социума уровень нестабильности, и проанализировать бифуркационный характер социального развития.

Источниковая база исследования включает в себя как открытые научные публикации, так и уникальные исторические свидетельства. Помимо

указанных социологических опросов, автором привлекались материалы Нюрнбергского трибунала, нарративные источники, описывающие социально-политический кризис в государствах Европы первой трети XX века (Италия, Германия, Австро-Венгрия, страны Балтии), а также свидетельства очевидцев событий на оккупированных территориях СССР в период Великой Отечественной войны и в зонах этнополитических конфликтов второй половины XX столетия (Норвегия, Западный Судан, Южная Мексика, Лаос). Столь широкий географический и хронологический охват позволяет рассматривать выявленные криминологические механизмы радикализации как имеющие устойчивый, трансисторический характер.

В качестве рабочей гипотезы и инструмента анализа на этапе обработки эмпирических материалов автором использовалось допущение о синонимичности понятий «социальная напряжённость» и «радикализация» в контексте их операционализации для социологических замеров, что представляется допустимым при исследовании начальных стадий исследуемого феномена.

Результаты исследования и их обсуждение

Теоретические, прикладные разработки и самого феномена радикализации и его понятийного аппарата находятся, судя по имеющимся публикациям, в большей степени в эмпирической, нежели теоретической стадии [1; 2; 3]. Многими авторами принимается за основу гипотеза, что на первоначальном этапе возникновения радикализации формируется не конкретная идеология, а, скорее, готовность её принятия [4; 5]. На уровне индивида этот процесс проходит стадии от чувства несправедливости, неприятия и разочарования в текущем положении вещей, к поиску объяснения своему недовольству, на данном этапе происходит обращение к идеологиям, что приводит к вхождению в круг единомышленников, и затем к переходу от идеологии к основанной на ней деятельности. Обобщение и систематизация описанных в литературе подходов, а также анализ собственных эмпирических наблюдений позволяют представить данный процесс в виде структурно-динамической модели (рисунок 1). Предлагаемая схема визуализирует

восходящую траекторию радикализации, фиксируя ключевые этапы трансформации внутреннего состояния индивида, точки ветвления сценариев (бифуркации) и соответствующие каждому этапу криминологические маркеры, доступные для объективной фиксации.

Как видно из представленной схемы, процесс радикализации не является линейным и неумолимым. Принципиальное значение имеют «точки бифуркации» (ромбовидные элементы), в которых траектория индивида может отклониться в сторону угасания радикального потенциала либо его консервации в латентных (маргинальных) формах. Криминологические маркеры, вынесенные в правую часть рисунка, позволяют не только диагностировать глубину процесса на каждом этапе, но и фиксировать те социально-правовые феномены (латентная преступность, административные деликты, составы экстремистской направленности), которые выступают одновременно и средой, и индикатором радикализации. Особого внимания заслуживает петля обратной связи (красный пунктир), демонстрирующая, что насильственная реализация (этап IV) и последующая реакция государства не разрешают исходный криминогенный конфликт, а зачастую воспроизводят его на новом витке, запуская механизм эскалации заново.

Вслед за тем количественное нарастание радикализированных и разделяющих, пусть даже не одни и те же, но сходные объяснения происходящему, приводит к радикализации части общества. Происходит поляризация населения, с разделением на «своих» и нет, далее происходит расчеловечивание тех, кто не разделяет взглядов той либо иной части общества, что приводит к распаду социальных связей, социальной и политической нестабильности общества, вплоть до применения насилия, как внутри страны, так и вне. Нормативных определений радикализма как социально-правового явления нет [6]. В.А. Тишков (2023) указывает, что ассортимент определений весьма широк и чаще тяготеет к политологической дистинкции через идеологию и деятельность, направленные на первостепенное изменение общественных и политических основ общества, отмечая, при этом, что насильственные действия не

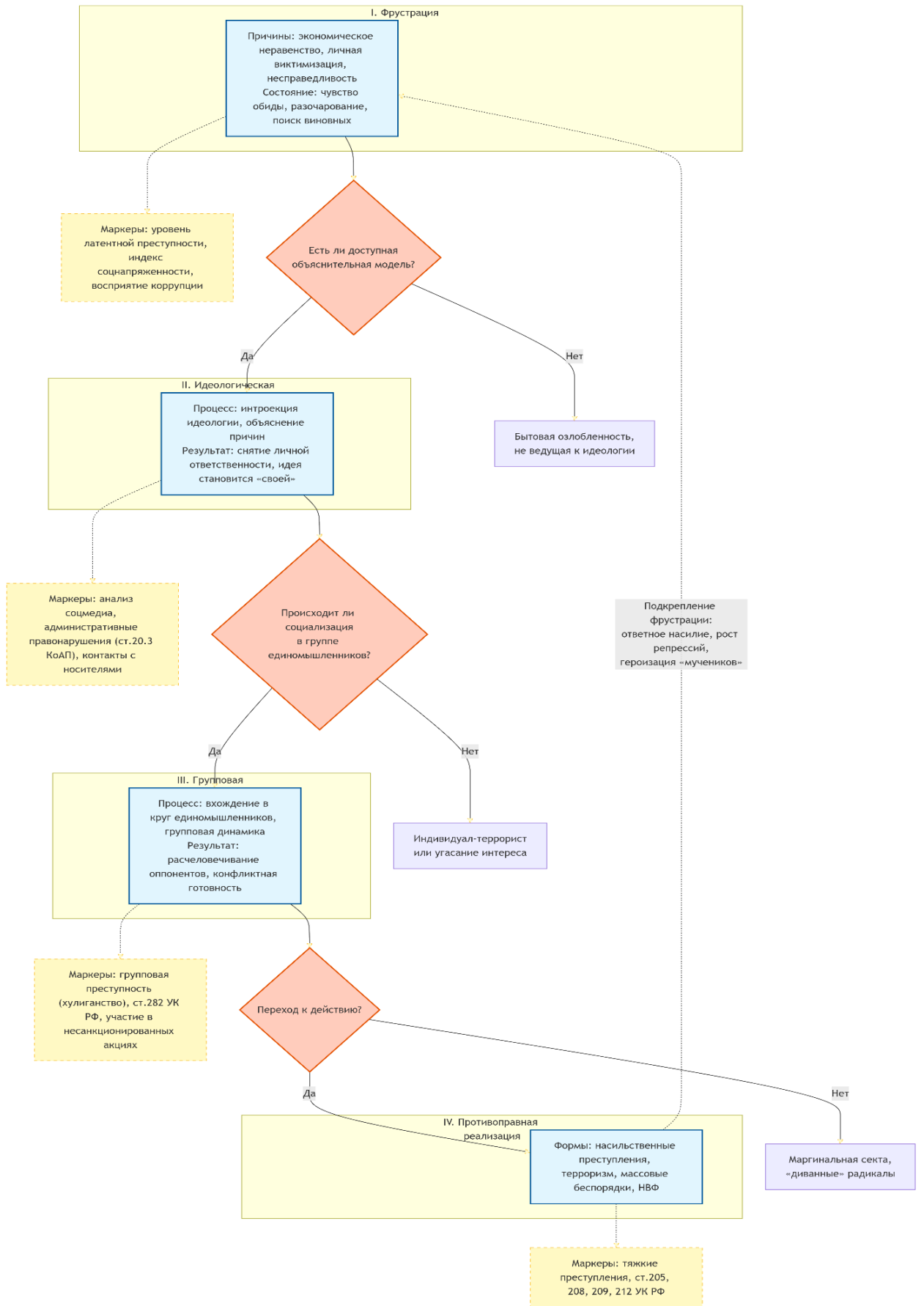

Рисунок 1. Модель эскалации радикализации: от социальной фрустрации к противоправной деятельности [составлено автором]
Figure 1. The model of escalation of radicalization: from social frustration to illegal activity [compiled by the author]

являются облигатными признаками радикализма, а именно радикализм служит скорее введением, прелюдией к ним [2]. В международных документах Совета Европы, Европейской комиссии, Конгресса местных и региональных властей Совета Европы и др. радикализация рассматривается, как правило, как феномен и как процесс, способный привести к актам экстремизма и терроризма, вне содержательного определения.

Формирование определения рассматриваемого понятия, ввиду значительного числа мнений о его объёме и содержании, несводимых к единому, представляет определённые сложности. Рациональной представляется позиция, которую последовательно проводит А.Н. Бороздин о двухкомпонентном содержании радикализма: во-первых, общество должно быть преобразовано кардинально, т. к. то его устройство, к которому стремится радикализованная личность (группа лиц), существенно отличается от существующей реальности, а, во-вторых, готовность с их стороны ко всякого рода воздействиям, от ненасильственных до вооружённых [7, с. 13].

В качестве ведущих механизмов радикализации общества указываются такие криминологические явления, как: слабость государственных институтов [8], коррупция [9], борьба за власть [10], наличие заинтересованности промышленно-финансовых групп [11], неопределённость социальных перспектив, создающая уязвимость к радикализации [12, с. 73-102.], относительно быстрое изменение социокультурной среды [13], социальные стереотипы и предубеждения (теория стигматизации Э. Дюркгейма) [14], распад системы социальных ценностей, кризис общества и его институтов (теория аномии Э. Дюркгейма [15] и Т. Парсонса [16]), рост социальной несправедливости и неравенства, расширение масштабов бедности, безработицы и коррупции, демонтаж системы социальных гарантий, правовая незащищённость личности и собственности [8].

На сегодняшний день имеется достаточно полное описание криминологических закономерностей, соответствующих вышеуказанным процессам, среди которых значимыми для формирования радикализации индивидуума и общества представляются [17; 18] (та-

блица 1):

- экономическое развитие не сопровождается снижением преступности;

- неуклонный, повсеместный рост преступности, особенно в индустриально развитых, социально обустроенных и демократических регионах, также значимо, что рост преступности, прежде всего корыстной, при неспособности государственных органов к эффективной защите граждан приводит к неконтролируемой самоорганизации населения;

- преобладание корыстных посягательств, которые прирастают интенсивнее насильственных и одновременно составляют существенную массу как латентных, так и нераскрытых преступлений. Стагнация экономики актуализирует корыстные преступления с примитивно-разрушающими, а также насильственными способами получения выгоды;

- недостаточная криминализация политических, экономических и властных преступлений в противовес криминализации обыденно-безысходных;

- деятельность транснациональной организованной преступности и международного терроризма приводит к возникновению криминальных «центров силы», которые последовательно расширяют сферы своего влияния, в том числе путём проникновения во властные структуры;

- большей плотности населения при одинаковой его численности соответствует большее число преступлений, также наблюдается увеличение насильственной преступности с ростом городов, увеличения различий между городами и большинство тяжких преступлений совершается в городской местности;

- уровень урбанизации территории – чем крупнее город, тем выражены такие факторы, как: уровень корыстного насилия, обесценивание человеческой жизни вне показателей статуса; высокая конфликтная готовность с ожесточением и приемлемостью любых средств достижения целей; правовой нигилизм и неверие в эффективность легитимных путей разрешения конфликтов; алкоголизация (и, добавим, опираясь на собственный опыт, наркотизация) населения, сравнительно высокая доля маргинализованных слоёв населения в городах (прежде всего крупных), повышенная

виктимизация городского населения. Также чем крупнее город, тем ниже по-

казатель раскрываемости преступлений.

Таблица 1. Криминологические детерминанты и механизмы радикализации [составлено автором]

Table 1. Criminological determinants and mechanisms of radicalization [compiled by the author]

Криминологический феномен (закономерность)	Механизм влияния на процесс радикализации	Проявление в росте социальной напряжённости
1. Рост корыстной преступности при одновременной низкой раскрываемости (особенно в отношении элит)	Формирование убеждения в несправедливости миропорядка, «двойных стандартах» права. Утрата легитимности власти в глазах населения	Аномия (безнормие) по Дюркгейму. Поиск «сильной руки» или альтернативной (радикальной) идеологии, которая наведёт «справедливый порядок»
2. Криминализация властно-управленческой элиты (коррупция, сращивание с ОПГ)	Дискредитация институтов государства как гаранта безопасности и справедливости. Возникновение параллельных (теневых) центров силы	Поляризация общества на «верхи» (преступные, чужие) и «низы» (угнетённые, свои). Готовность поддерживать любую силу, обещающую очищение
3. Высокий уровень урбанизации и анонимности крупных городов	Ослабление горизонтальных социальных связей, атомизация индивида. Рост виктимизации и чувства незащищённости. Высокая конфликтогенность среды	Формирование «готовности к принятию» радикальных идей, которые предлагают простые решения и чувство принадлежности к группе («братству»)
4. Закономерность неуклонного роста преступности (как мировой тренд)	Формирование фонового уровня тревожности и ощущения «конца эпохи», неизбежности катастрофы (краха системы)	Рост запроса на кардинальные (радикальные) изменения, а не косметические реформы. Уязвимость к эсхатологическим и апокалиптическим сценариям

Таким образом, к криминологически обусловленным характеристикам зарождения радикализации могут быть отнесены такие феномены:

- несоответствие и запаздывание обновления действующего законодательства, особенно в переломный, переходной, исторический период (кризис) как новым, так и обновляющимся формам, и видам преступности, обусловленным этим периодом, в т. ч. затрудняя работу правоохранительных органов;

- наглядное неуклонное нарастание преступности (в т. ч. латентной и нераскрытой), независимо от экономического состояния общества как общекриминологическая закономерность и недостаточная криминализация преступности высших слоёв общества, как общемировой феномен, усиливающий недовольство действующей властью;

- формирование межэтнической и межконфессиональной напряжённости;

- доминирование городской агломерации в регионе.

Соответственно может быть предложена следующая криминологически обусловленная закономерность развития радикализации, риск которой возрастает в зависимости от:

- наглядного роста преступности, прежде всего корыстной, при существенном и заметном социально-эко-

номическом неравенстве.

Значимым также представляется рассмотрение функционального значения радикализации. Как следует из вышесказанного, одним из значимых последствий радикализации и индивида, и группы лиц, вплоть до более или менее значительной части общества, является состояние нестабильности на каждом из указанных уровней. Это с учётом современной общей теории систем, представляющей реализацию и конкретизацию системного подхода к методологии исследований объектов, рассматриваемых как системы, ставит вопрос о функциональном значении радикализации в частности и нестабильности в целом. При исследовании социальных систем, от уровня индивида до уровня метаобщества планеты Земля, уже на ранних этапах становления теории систем было установлено, что и биологическая, и социальная эволюция нестабильна и вероятностна [19]. На современном этапе этот подход к пониманию обязательности нестабильности как биологического, так и социального развития общепризнан. Т. е. нестабильность является обязательным фактором и биологической, и социальной эволюции, приводящей либо к изменению системы, либо к её разрушению. В этой связи определёнными объясняющими концептами для социальной не-

стабильности являются: теория В. Парето (1923) о разделении населения, в связи с формированием социального равновесия, на две, численно неравные «страты»: «неэлита», которая потенциально может оказывать влияние на правительство, и «элита», которая разделяется на правящую и нет, при этом происходит перманентная циркуляция элит, что рассматривается и позитивно (предупреждение застоя и стагнации), и негативно (формирование конфликтов различной степени выраженности), Р. Дарендорфа (1959) об облигатности социального неравенства: «Общество – значит господство, а господство – значит неравенство» и др.

Значимыми представляются два взаимодополняющих объяснения облигатности нестабильности как биологической, так и социальной, задаваемые философскими, антропологическими и правовыми исследованиями:

1) как проявление неотъемлемой био-психо-социальной деструктивности, связанной с происхождением и эволюцией приматов в соответствии с концепцией антропогенеза Б.Ф. Поршнева, в которой дано историко-материалистическое и палеоантропологическое обоснование общественно-экономическому поведению первобытных людей и их сообществ как одной из детерминант формирования и человеческой психики, и социума, в форме диалектического противостояния эгоистического инстинкта присвоения-потребления (т. е. инстинкта сохранения индивида), альтруистическому инстинкту сохранения вида (абиологические отношения и нормы – отдавать, расточать блага) [20]. В такой трактовке находят своё место и биологизаторские концепции противоправного поведения, берущие начало от Ч. Ломброзо, и различного рода социальные трактовки его детерминации, как, например, конфликт между моралью долга и моралью стремления Лона Фуллера;

2) как поддержание необходимо-достаточного уровня нестабильности в обществе (мега-системе) для сохранения эволюционного потенциала к элиминации как маргинально-деструктивных, так и маргинально-гуманистических элементов (в соответствии с концепцией детерминированного хаоса), применительно к социальным процессам в целом и к исследованию отклоняюще-

гося поведения в частности. В любом обществе всегда имеют место нарушения равновесия и внутри социальных систем, и между ними, как проявления реальной или потенциальной нестабильности, в форме разрушения или нарушения её целостности, деформации структуры и функций, либо в качестве средства стабилизации ситуации.

Анализ функций стабильности – нестабильности и для биологической, и для социальной эволюции – показывает, что они являются:

а) взаимозависимыми и взаимодополняющими, т. е. образуют диалектическую пару понятий;

б) эффективными на различных уровнях анализа – и микросоциальном (отдельный поведенческий акт), и макросоциальном (система поведения социальных групп);

в) эволюционно-обусловленными, а значит – независимыми от исторической эпохи и от географического положения.

Применительно к цели и задачам настоящего рассмотрения – изучения функционального значения радикализации для эволюции и индивида и социума – наиболее соответствующими следует признать работы по социологии социума, из которых наиболее полно данной теме соответствуют работы А.А. Давыдова и его школы [21]. А.А. Давыдов последовательно развивает, в рамках системной социологии, базирующейся на общей теории систем, т. н. «модульную теорию социума». В этой теории выделяются множество состояний системы (социума). При этом человек рассматривается как системопорождающий элемент системы, способный зарождать, изменять, уничтожать как материальные, так и идеальные системообразующие элементы.

Совокупность системопорождающих и системообразующих элементов создаёт социальную систему, в которой действуют общесистемные принципы и законы, кроме того, принципы и законы социальных систем, а также принципы и законы данной социальной системы в определённый промежуток времени. При этом в динамике социума неизбежно присутствует цикличность социальных явлений. Кроме того, период времени существования конкретной социальной системы конечен и включает последовательно необратимые стадии (в

обобщённом виде: рост – стабилизация – спад). Каждая из стадий актуализирует определённые социально-эволюционные функции: рост – функцию развития с ориентацией на будущее, стабилизация – развитие и сохранение с ориентацией на настоящее, спад – актуализирует функцию сохранения с временным вектором прошлого. Жизненный цикл системы, будучи результатом взаимодействия всех системопорождающих и системообразующих элементов, определяет изменения, при этом динамика социума обладает свойствами инерции и запаздывания.

Таким образом, следует признать, что радикализация и индивида, и социума представляет собой один из механизмов нестабильности, т. е. значимого и неотъемлемого элемента со-

циальной эволюции. В соответствии с концепцией диссипативных систем И. Пригожина и И. Стенгерс (1986) в случае критического уровня нестабильности наступает так называемая «точка бифуркации» развития, в которой невозможно предвидеть, какой вариант развития произойдёт – переход системы на качественно новый уровень или распад системы [22].

Амбивалентная природа данного феномена раскрывается при анализе его потенциальных последствий, которые могут быть диаметрально противоположными в зависимости от адаптационных возможностей социума и своевременности реагирования институтов управления. Систематизация этих разнонаправленных эффектов представлена в таблице 2.

Таблица 2. Амбивалентность радикализации: позитивный и негативный векторы социальной эволюции [составлено автором]

Table 2. Ambivalence of radicalization: positive and negative vectors of social evolution [compiled by the author]

Аспект / Сфера проявления	Позитивная (конструктивная) функция	Негативная (деструктивная) функция
Для социальной системы	Обновление устаревших институтов, адаптация к новым вызовам (реформы). Преодоление стагнации	Распад системы (дезинтеграция), хаос, «управленческий вакуум», утрата суверенитета
Для права и правопорядка	Выявление пробелов в законодательстве, подталкивание к его гуманизации или большей справедливости. Рост правосознания активной части граждан	Массовый правовой нигилизм, переход к «кулачному праву», легитимизация насилия как способа разрешения споров
Для индивида	Преодоление аномии, обретение идентичности и смысла жизни (даже через протест). Развитие критического мышления	Личностная деградация, озлобление, маргинализация, уголовная ответственность и тюремное заключение
Для элит	Циркуляция элит (по Парето), приток «свежей крови» в управление	Физическое уничтожение или изгнание прежней элиты, потеря накопленного управленческого опыта и культурного кода

Представленная систематизация наглядно демонстрирует, что радикализация сама по себе не является исключительно патологическим феноменом, требующим тотального подавления. Она выполняет роль индикатора системных противоречий и одновременно катализатора изменений, вектор которых (прогрессивный или регрессивный) определяется способностью государства и институтов гражданского общества к конструктивному диалогу и своевременным реформам.

В зависимости от уровня адаптивного потенциала социума и государства к изменениям, нестабильность может иметь как конструктивный (реформы, новые управленческие технологии и т. п.), так и деструктивный

(кардинальное изменение структуры общества и государства, в варианте наибольшего риска – дестабилизация, управленческий хаос и экономический упадок) характер.

Соответственно, социальная нестабильность, задаваемая радикализацией личности и социума, может создавать разнонаправленные эффекты, зависящие от реакции государства и общества:

- позитивные – выявление латентных недостатков и противоречий в обществе; введение реформ различного уровня действия и приложения для большего соответствия государственной, управленческой, экономической, социальной, правовой и иных систем потребностям общества; усиление гражданской активности и солидарно-

сти граждан;

- негативные – раскол общества, экстремистские тенденции и проявления; «вакуум власти» со снижением степени управляемости обществом и возможным её переходом к репрессиям и авторитаризму либо передачей власти; ухудшение экономической ситуации, стагнация.

Выводы

Проведённое исследование показывает, что радикализация – это объективно существующий феномен, являющийся облигатной частью социальной динамики, имеющий общественно-эволюционный смысл, как индикатор рассогласованности социальной системы государства и общества, имеющий выше представленные криминологические механизмы (характеристики и закономерности) возникновения и формирования.

При этом, являясь определённым состоянием индивида и общества, готовностью следовать, конкретизированному в ходе интродукции идеологии, сценарию, не является деятельностью в той мере, которую вкладывают в это понятие правоведы. Соответственно, до формирования тех либо иных форм поведения на основе радикализации, предусмотренных законодателем (на-

пример, нарушения равенства людей, дискриминация, экстремистская либо террористическая деятельность и проч.), не может рассматриваться как правонарушение, в соответствии с гарантируемой ст. 29 Конституции России свободой мысли и слова (ч. 1, 4 и 5), с ограничениями, установленными ч. 2 и 3 указанной статьи. Высказанные радикальные суждения могут стать объектом правовых отношений при наличии в них определённых формы (публичное оправдание негативных явлений и действий, возбуждение розни по какому-либо признаку, пропаганда исключительности либо неполноценности по какому-либо признаку, подстрекательство к противоправным действиям и т. п.) и содержания (экономическое, политическое, социальное, расовое, национальное, религиозное и т. п. неравенство).

Дальнейшие исследования в данном направлении могут, во-первых, рассматривать иные (экономические, демографические, политические и т. п.) механизмы развития радикализации. Также необходимым представляется анализ возможностей мониторинга этих механизмов для своевременного реагирования и профилактики противоправных векторов радикализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стародубровская И.В., Исабаев Э.Т. Что знает и чего не знает наука о процессах исламской радикализации // Аль Фараби журнал социогуманитарных исследований. 2024. № 3(87). С. 67-85.
2. Тишков В.А. Радикализм и экстремизм: природа, история изучения, практические подходы // Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / под ред. В.А. Тишкова. Москва: ИЭА РАН, 2023. 384 с. С. 4-21.
3. Сакаев В.Т. Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе // Антиномии. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 45-72.
4. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization. // Terrorism and Political Violence. 2020. № 34(3). P. 1-9.
5. Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I) // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 120-142.
6. Полтавская Ю.Н. Радикализм и экстремизм в современной России: политические смыслы // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология. Вып. 2. С. 104-107.
7. Бороздин А.Н. Радикализм как социально-политический феномен // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 12-17.
8. Тенденции и риски радикализации общества: На материалах социологического исследования в Армении и Беларуси. Ереван: Европринт, 2019. 208 с.
9. Хадсон Рекс А. Социология и психология терроризма: кто становится террористом и почему? // пер. с англ. и литературная обраб. рус. версии М.А. Григорьевой; [науч. ред. рус. версии пер.: Г. В. Косов]. Ставрополь: Ставролит, 2009. 192 с.
10. Aho James A. The things of the world a social phenomenology // Westport, Conn, 1998. 168 p.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
12. Рыжов А.Л. Биполярное мышление как основа радикализма: от теоретических моделей к методам исследования // Клинико-психологические исследования в современной практике (коллективная монография); под ред. А.Ш. Тхостова. Москва: Типография Арбат, 2020. 319 с.
13. Харитоновна Е.В. Психологические аспекты радикализации и дерадикализации исламистов // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Часть 2. С. 385-394.
14. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с франц. А.Б. Гофман. Москва: Юрайт, 2019. 308 с.
15. Федотова Н.А. Социологические концепции радикализма // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 16-18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 2194 с. С. 2147-2156.

16. Парсонс Т. Система современных обществ. Москва: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
17. Седнев В.В. Моделирование криминологической обстановки: монография. Москва: Юрлитинформ, 2020. 304 с.
18. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
19. Bertalanffy L. von General System Theory; перевод И.С. Юлиной // A Critical Review. «General Systems», 1962. Vol. VII. P. 1-20.
20. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории: Проблемы палеопсихологии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 720 с.
21. Давыдов А.А. Системная социология. Изд. 2-е. Москва: Издательство ЛКИ, 2008. 192 с.
22. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой; пер. с англ. Ю.А. Данилова / общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. Москва: Прогресс, 1986. 432 с.

Информация об авторе

Седнев Владислав Владимирович – доктор медицинских наук, профессор, председатель Донецко-Луганского (Донбасского) отделения Российской криминологической ассоциации им. А.И. Долговой

REFERENCES

1. Starodubrovskaya, I.V., Isabaev, E.T. (2024). What science knows and does not know about the processes of Islamic radicalization. *Al Farabi Journal of Socio-Humanitarian Research*. 3;67-85. (In Russ.)
2. Tishkov, V.A. (2023). Radicalism and extremism: nature, history of study, practical approaches. In V.A. Tishkov (Ed.), *Theories and Practices of Radicalism and Extremism: Collected Articles*. 4-21. Moscow: IEA RAS. (In Russ.)
3. Sakaev, V.T. (2021). The concept of radicalization: a review of scientific approaches in contemporary foreign literature. *Antinomies*. 21(2);45-72. (In Russ.)
4. McCauley, C. (2020). The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization. *Terrorism and Political Violence*. 34(3);1-9.
5. Bovina, I.B., Bovin, B.G., Tikhonova, A.D. (2020). Radicalization: a socio-psychological perspective (Part I). *Psychology and Law*. 10(3);120-142. (In Russ.)
6. Poltavskaya, Yu.N. (2012). Radicalism and extremism in modern Russia: political meanings. *Bulletin of Saratov University. Sociology. Political Science*. 12(2);104-107. (In Russ.)
7. Borozdin, A.N. (2015). Radicalism as a socio-political phenomenon. *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 6;12-17. (In Russ.)
8. Trends and Risks of Societal Radicalization: Based on Sociological Research in Armenia and Belarus. (2019). Yerevan: Evroprint. 208. (In Russ.)
9. Hudson, R.A. (2009). *The Sociology and Psychology of Terrorism: Who Becomes a Terrorist and Why?* (M.A. Grigorieva, Trans.; G.V. Kosov, Ed.). Stavropol: Stavrolit. 192. (In Russ.)
10. Aho, J.A. (1998). *The things of the world: a social phenomenology*. Westport, CT. 168.
11. Fromm, E. (2006). *Escape from Freedom. Man for Himself*. Moscow: AST: AST MOSCOW. 571. (In Russ.)
12. Ryzhov, A.L. (2020). Bipolar thinking as a basis of radicalism: from theoretical models to research methods. In A.Sh. Tkhostov (Ed.), *Clinical and Psychological Research in Modern Practice (Collective Monograph)*. Moscow: Arbat Printing House. 319. (In Russ.)
13. Kharitonova, E.V. (2023). Psychological aspects of radicalization and deradicalization of Islamists. *Teacher of the 21st Century*. 4(2); 385-394. (In Russ.)
14. Durkheim, E. (2019). *Sociology. Its Subject, Method, Purpose* (A.B. Hoffman, Trans.). Moscow: Yurayt. 308. (In Russ.)
15. Fedotova, N.A. (2017). Sociological concepts of radicalism. *Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research: Proceedings of the XX International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan, March 16-18, 2017, Yekaterinburg*. 2147-2156. Yekaterinburg: UrFU. (In Russ.)
16. Parsons, T. (1998). *The System of Modern Societies*. Moscow: Aspect Press. 270. (In Russ.)
17. Sednev, V.V. (2020). *Modeling the Criminological Situation: Monograph*. Moscow: Yurlitinform. 304. (In Russ.)
18. Luneev, V.V. (2005). *Crime of the 20th Century: Global, Regional and Russian Trends* (2nd ed., rev. and enl.). Moscow: Wolters Kluwer. 912. (In Russ.)
19. von Bertalanffy, L. (1962). *General System Theory* (I.S. Yulina, Trans.). *General Systems*. VII;1-20.
20. Porsheva, B.F. (2007). *On the Beginning of Human History: Problems of Paleopsychology*. St. Petersburg: Aleteyya. 720. (In Russ.)
21. Davydov, A.A. (2008). *Systemic Sociology* (2nd ed.). Moscow: LKI Publishing House. 192. (In Russ.)
22. Prigogine, I., Stengers, I. (1986). *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature* (Yu.A. Danilov, Trans.; V.I. Arshinov, Yu.L. Klimontovich, Yu.V. Sachkov, Eds.). Moscow: Progress. 432. (In Russ.)

Information about the author

Vladislav V. Sednev – Advanced Doctor in Medical Sciences, Full Professor, Chairman of the Donetsk-Lugansk (Donbass) Branch of the A.I. Dolgova Russian Criminological Association

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию (Reserved) 05.09.2025

Поступила после рецензирования 12.12.2025

Принята к публикации (Accepted) 10.03.2026